Кто ж не помнит экстравагантную и неунывающую оптимистку пани Монику из телевизионного «Кабачка 13 стульев», активность и неуемность которой воодушевляла в застойные времена многих советских женщин и мужчин. С молодости отдавая предпочтение комедийному жанру и более сорока лет проработав в Московском театре Сатиры, Ольга Аросева признается сегодня, что все больше тяготеет к драматическим ролям. А может, время теперь такое?

Как молоды мы были

Ольга АРОСЕВА:

«Остается только смеяться...»

– Ольга Александровна, как вам сегодня живется? Чувство юмора не изменяет?

– Ха! Более чем весело живется! Но это я так грустно шучу. Считаю, что происходящее настолько необъяснимо, что остается только смеяться. Как говорится, последняя форма самовыражения.

– Ну а коммерцией какой-нибудь в это веселенькое время занимаетесь: все ведь теперь чем-нибудь торгуют?!

– Боже упаси! Я страшно далека от этого. Единственное, чем могу торговать, – своей профессией.

– Одной из самых древних...

– Но не той, о которой могут подумать: та уж просто древнейшая! Да и возраст мой для нее мало подходит. Вот и продаю себя на концерты, на спектакли и даже, как считают некоторые, «унизилась» до рекламы. Правда, предварительно предупредив режиссера, что за позор надо платить как следует!

– Почему же позор? Я видела рекламу, где вы замечательно сыграли роль бабушки...

– Я тоже считаю, что малые формы можно замечательно сделать. Но и ТВ, и кино ведь таинственные вещи, и ты до конца никогда не знаешь: хорошо твоя роль получится или плохо...

– «Кабачок 13 стульев», где вы так блестяще играли, был не только одной из самых популярных телепередач, но и своего рода клубным кафе, моделью не существующего у нас способа общения. Потом его закрыли. А года два назад было заявлено о возрождении «Кабачка». Тем не менее, его не видно на экране. Почему?

– Понимаете, какое дело: природа этой передачи и залог ее успеха в том, что она была первым телесериалом-долгожителем. Это только в последнее время расплодились всякие «мыльные оперы», а тогда их не было. Но они нужны публике, поскольку в той ситуации не человек шел в театр, а мы, актеры, со своей программой приходили к людям в дом. И становились как бы членами семьи. Эта постоянная серийность заставляла зрителей втягиваться в жизнь наших персонажей, в их взаимоотношения, близкие проблемы: мужа с женой, старых приятелей, молодежи, влюбленных... Наших новых появлений в эфире ждали, чтобы узнать, как решатся эти проблемы, что будет в нашей жизни дальше... Я до сих пор, когда еду в такси, слышу: «Ой, да вы же были любимым персонажем моей бабушки, да и я помню вас с детских лет...» А какие письма мы получали! Однажды нам с Борисом Рунге (он был паном Профессором) пришло письмо от мужчины, который сообщал, что благодаря нам сохранилась его семья. Он писал, что всегда спорил с женой, а посмотрев несколько «Кабачков», обратил внимание на то, как спокойно воспринимает свою Монику пан Профессор и совсем на нее не реагирует. Попробовал вести себя так же: выслушивать внимательно жену и ничего ей не отвечать – они стали чудесно жить.

А вот возродить «Кабачок» не получилось. В былые времена мы пользовались польским юмором. Теперь это довольно дорого – надо оплачивать использование иностранных авторских прав. Наши же авторы что-то совсем не активны. Но все же, наверное, самая главная причина в том, что растерян коллектив – «иных уж нет, а те далече...».

– Ваш пан Профессор был для вас идеальным мужчиной?

– Да. Вот видите: его портрет висит у меня в комнате. Мы с Борисом Васильевичем очень долго были рядом, даже учились вместе в театральном училище. Он, правда, заканчивал позже, потому что воевал. Это был совершенно уникальный человек – чистейшей души, с качествами, которые просто антикварны. Честно говоря, не представляю: если б он был сейчас жив и увидел, что тут у нас творится, что бы с ним было?

Вместе с Борисом Рунге

– Ольга Александровна, когда вы открыли в себе источник неиссякаемого юмора?

– По-моему, я с ним родилась! Еще в детстве постоянно испытывала в себе потребность все и вся передразнивать: учителей, гостей, родственников – кого хотите.

– И вам за это не попадало?

– Порой попадало, да еще как! Но отвратить от подобного лицедейства меня было невозможно. Вот, например, эта детская фотография. Мне тут пять лет: я тогда посмотрела постановку Брехта и изображаю нищенку Полли Питчем.

– Значит, так и встали на тропу комедийной и сатирической актрисы?

– В общем, так получилось. Семейные обстоятельства, что ли. У нас в семье очень любили искусство. Моя мама в юности закончила Мариинский институт благородных девиц, отец был писателем и дипломатом, а его дед владел театром в Перми. Была актрисой и тетя, а одна из моих старших сестер – Елена Александровна Аросева – и до сих пор играет в Омском театре.

Конечно, когда училась в театральном училище, разные роли играла. Но тяготела к комедийным. Меня вообще-то так и воспринимали, а потом и нацеливать на них стали. В 1945 году в Москве гастролировал Ленинградский театр комедии, я показалась Николаю Павловичу Акимову и была принята в его труппу. И отработала там пять лет. Но потом вернулась в Москву. С тех пор и служу любимой Сатире у бессменного Валентина Плучека.

– Как вы думаете, почему актеры комедийного амплуа в жизни очень серьезные люди?

– Я, наверное, исключение! Хотя и выросла во времена, когда не больно-то обхохочешься, – и 37-й год, когда я потеряла отца, и голод, и война... А с другой стороны, может быть, чувство юмора и стало защитой ото всех тягот. Мой юмор не от безоблачной жизни, он не означает холодности души и отсутствия в моей судьбе серьезных переживаний. Он – от свойства характера. Правда, сейчас я все больше тяготею к драматическим ролям. Очевидно, накопленный опыт, багаж пережитого дают материал для подобного перевоплощения.

– В одном вашем спектакле вы играете роль эмигрантки тети Розы. А в реальной жизни могли бы себя представить эмигранткой?

– Вообще-то я обожаю ненадолго выезжать за границу. И кстати, с этим спектаклем мы были и в Израиле, и в Америке. Однако остаться там я бы не смогла! Да, здесь живется тяжело. Но я в своей стране! И тут они мои, родные, тяжести и горести.

– Насколько я поняла, вы росли в женском окружении?

– Да, мама и три сестры.

– И у вас не возникало из-за этого сложностей в общении с противоположным полом?

– О, нет! С мальчиками у меня никогда проблем не было: в дружбе я всегда отдавала им предпочтение. И была у них «своим парнем»: участвовала во всех драках и сама, случалось, кое-кого бивала... Девчачьи игры, вышивания меня не привлекали. Хотя наряжаться очень любила.

– А вам известны способы обольщения мужчин?

– О, это как творчество! Тут включается женская интуиция и многообразие приемов. Любая женщина в душе – актриса и все время немножечко играет. Чем богаче ее интуиция, тем большее разнообразие приемов она может придумать.

– А для чего вообще нужны мужчины?

– Как вам сказать? А для чего нужно солнце, воздух, вода? Мужчины нам даны для того, чтобы жить, рожать детей. Дети ведь должны зачинаться в любви, а не в пробирке. Тогда получаются хорошие дети. К тому же лично я от женского общества устаю. Круг интересов у большинства из нас довольно ограничен: шмотки, мужики и кремы для лица... Вот Галя Волчек, пожалуй, исключение. С ней всегда интересно. С равной увлеченностью и неистовой страстью она может рассказывать, какие пуговицы пришьет к жакету, и тут же о творчестве: что и как хочет поставить в театре. Так же и с мужиками всегда можно поговорить на какие-то другие темы. Конечно, я имею в виду мужчин своего круга.

– Ольга Александровна, как вы думаете, каких качеств характера вам не хватает?

– Терпения, усидчивости, аккуратности. Терпимости, наверное...

– Какое время года вам больше по душе?

– Люблю зиму. Может, потому, что родилась 21 декабря. Но не пасмурную, а когда открытое синее небо, когда снег хрустит под ногами и всюду солнце. Еще люблю раннюю весну. Мне нравится запах талого снега, когда на даче из-под него вдруг вылезает стрелка крокуса, что-то еще зелененькое пробивается. Чувствуется начало новой жизни!

– А любимые праздники есть?

– Да! Люблю Восьмое марта, потому что дарят подарки, Новый год... Люблю День Победы. Я хорошо помню 9 Мая 1945-го, пережила этот день и всегда плачу, когда слышу военную музыку. А еще очень люблю масленицу и запах жареных блинов. Правда, стараюсь жарить их на даче. Когда приходишь с улицы, с холода и пахнет этими блинами – это колоссальное наслаждение.

– В марте мы не можем с вами не вспомнить вашего коллегу по театру Андрея Миронова. Он ведь родился 8-го...

– Да, мы всегда в театре отмечаем эту дату. Иначе и быть не может: он вырос в нашем театре и сгорел в нем...

– У женщин, наверное, всегда было особое отношение к Андрею? Кажется, мало кто был к нему равнодушен?

– Ну, я вообще-то старше его. И знаю его с раннего детства, когда он еще на горшке сидел...

– Алла Борисовна тоже знает Филиппа Киркорова с раннего детства и на коленях держала...

– Я не Алла Борисовна, а Андрей – не Киркоров! Но к Андрюше я всегда очень тепло относилась. Он был по-настоящему интеллигентен, очень любезен по отношению к слабому полу и очень общителен. А сколько в нем было шарма, обаяния! Но еще больше преданности искусству. И по-моему, гораздо больше, чем любви к женщинам.

– Я помню, в картине «Берегись автомобиля!» вы лихо водили троллейбус. А тут вдруг сказали, что ездите на такси. Разве вы не водите машину?

– Тогда для фильма даже курсы водителей троллейбуса закончила. А чтоб свою машину водить... У меня и машина есть, и права имею, но страшно. В условиях сумасшедшей Москвы просто не рискую садиться за руль.

– А любимый анекдот у вас есть?

– Много любимых. Вот в последнее время мне близок такой:

«Сидят два актера и один другому говорит:

– Ну как жизнь?

– Плохо,– отвечает,– не приглашают меня в кино. Забыли... А у тебя как?

– Меня тоже не приглашают... Еще помнят!..»

Интервью вела
Татьяна СЕКРИДОВА